

НИКОЛАЯ Иванова отлично знают и любят зрители ТЮЗа — и юные, и взрослые. Он из тех счастливых, щедро наделенных обаянием актеров, которые сразу же вызывают к себе безоговорочную симпатию. Достаточно ему появиться на сцене, чтобы контакт со зрителем был мгновенно установлен. Две-три секунды, и актер уже «договорился» с залом: сейчас начнется игра. Для зрителя и со зрителем вместе, где обе стороны — и актер, и те, кто сидит в зале, — станут участниками одной общей увлекательной затеи.

Об этом он договорился со зрителем при первом же своем появлении на сцене, когда шесть лет назад вышел в «Коньке-горбунке» П. Ершова неумирающим героем русской сказки — простым, озорным Иванушкой. Артист как бы набрасывал на наших глазах с чуть небрежным изяществом забавную и красочную лубочную картинку и тут же оживлял ее, хитровато усмекаясь и радуясь тому, что он актер, и потому, как и сказочный герой, все может и все ему доступно.

Ему был явно симпатичен его Иванушка. Николай утверждал вечную удачливость этого истинно народного героя, но и не таился подтрунивал над его беззаботностью и действительно сказочной удачливостью и немощью над нами, над всегда живущей в нас детской мечтой иметь под рукой своего Конька-горбунка (или волшебную палочку, или еще что-нибудь в этом роде), который мгновенно выручит из любой беды, да выходячу еще делает тебя красивым и счастливым.

Николай Иванов обладает отличными данными для той «игры», которую он предлагает залу: естественностью, внутренней гибкостью и подвижностью, пластической выразительностью, чувством юмора, способностью мгновенно переключаться из одного эмоционального состояния в другое, артистичностью и удивительной легкостью. На сцене, в обилие любого, самого неожиданного персонажа — клоуна дяди Шуры («Трень-брень» Р. Погодина), лукавого фавна («Модель 18-68» Б. Голлера) или самодержца Николая II («После казни прошу...» В. Долгого) — он чувствует себя на редкость свободно и легко.

Его персонажи часто улыбаются: у Иванушки — дурашливо рот

до ушей, у приказчика Сашки («Хозяин» по М. Горькому) — жуликоватая ухмылка, у фавна — лукавая смешинка в лице. Но и тогда, когда актер перестает улыбаться, улыбка все равно не исчезает вовсе, она живет, играет все время в самом актере, готовая каждую секунду снова появиться на лице, и, кажется, актеру даже нужны усилия, чтобы сдержать ее, не дать ей вырваться наружу.

Чаще всего актеру выпадают все же «роли-изюминки», где надо представить фигуру своеобразную, дать моментальный портрет, пластически выразительную

кусство, и Николай Иванов владеет этим искусством отлично. Огромная царская мантия, взлетающая за актером, в «После казни прошу...», где он представляет Николая II; царская держава... на резинке, при надобности ловко вскакивающая обратно в руку; бильярдный кий, который самодержец берет, лениво морщась (опять какие-то беспорядки в России, не дадут спокойно поиграть в бильярд!), и вдруг, прокрутив его в руках с жонглерской ловкостью, резко разворачивается и в лобном азарте несется с ним вверх по лестнице, как со штыком наперевес, — все важно, все

питесь смеяться!» — останавливает он нас и заставляет задуматься, увидеть в смешном не смешное, в как будто безобидных человеческих поступках — хамство и бесцеремонность.

В этой роли Иванов обнаруживает явные задатки интересного трагикомического актера — тонкого, с подспудной лирической интонацией.

И ТАК, все как будто хорошо: Николай Иванов — один из ведущих актеров ТЮЗа, много играет, за шесть лет работы в театре он утвердился как интересный характерный и комический актер, а сыграв недавно Бестуже-

ва фигуру страшноватую своим откровенным цинизмом, а в спектакле («Глоток свободы») поочередно Коновницина и Николая I. Есть у актера в этой роли психологическая убедительность, внутренняя сосредоточенность, живой нерв, точно определена для себя и для зрителя логика поведения Бестужева.

Но будем откровенны: этот Бестужев, его судьба волнует нас в спектакле не слишком сильно. Конечно, тому виной прежде всего известная ходульность, бескровность роли. И все-таки...

И все-таки, если не данная роль, то сама историческая фигура Бестужева, поколение декабристов могли бы, пожалуй, острее задеть, растрогать актера.

Беспокоит, что актер еще не нашел окончательно свою любовь и ненависть, свою радость и боль, не определился в своих «за» и «против». При всем том, что он всегда рядом со своими персонажами, его самого, его личного участия, личной заинтересованности во всем, происходящем на сцене, как-то не хватает. Он слишком уж созерцателен, слишком «со стороны», а в его шеголеватой легкости сквозит некоторая беззаботность.

Ироничный к своим героям, он, может быть, излишне ироничен и к самому себе?.. А может быть, и театр не слишком озабочен тем, чтобы взорвать некоторую внутреннюю инертность, созерцательность актера, помочь ему освободиться от определенного инфантилизма чувств и мыслей...

Эти слова могут показаться суровыми. Но именно такую меру требовательности в отношении к себе, к своей творческой судьбе устанавливает сам актер своей одаренностью, явно незаурядными возможностями и тем, например, как он сыграл мудрого и доброго дядю Шуру с его знаменательными словами: «Не торопитесь смеяться!»

С. ДРУЖИНИНА

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

«НЕ ТОРОПИТЕСЬ СМЕЯТЬСЯ!»

зарисовку, шарж. В сфере эксцентрики, гротеска, буффонады Иванов окончательно покоряет зрителя.

Вот он выходит устрашающим отцом укротительницы тигров в шутовом представлении «Наш цирк» — с негибающей ногой, пиратской черной повязкой, громадным парабеллумом и трубой. Не произносит ни слова, ничего не делает, только прохаживается со свирепым видом — роль крохотная, «игрушечная», а вы уже не можете удержаться от смеха и радуетесь талантливости шаржа. Скажете, играет костюм? Но посмотрите в этой роли другого исполнителя и вы убедитесь, что дело не только в costume, ситуации, аксессуарах. Да и для того, чтобы костюм и аксессуары, пусть самые эффектные, «завучали» в полную силу, нужно еще уметь точно обыграть их, «включить» в создаваемый портрет, заставить их «говорить». Это особое ис-

«играет» у актера, все наполнено точным и уничтожающим смыслом.

И все-таки Николай Иванов — это прежде всего дядя Шура в «Трень-брень». Тут уж, пожалуй, речь может идти не просто о талантливом лицедействе, а о творчестве. В роли дяди Шуры он существует на сцене с точным ощущением жанра пьесы — иронической притчи. Он все время на грани реальности и иносказания, на грани смеха и печали. Он иронизирует, шутит, весело удивляет неожиданными фокусами и экспансивными выходками, принимает немислимые позы, заливаясь хохотом, смеясь вздергивая брови, а потом вдруг незаметно отходит в сторону, садится на пол и грустно задумывается о чем-то своем.

Переходы от веселья к грусти у него мгновенны. Одно все время переливается в другое, обнаруживая неразрывность радостного и печального в жизни. «Не торо-

ва в «Глотке свободы» Б. Окуджавы, убедил, что явно имеет данные и основания играть героев. Тут есть чему порадоваться, и можно было бы как начать, так и кончить статью с благополучной интонацией.

И все-таки чувство какого-то беспокойства, озабоченности не исчезает. Ведь дядю Шуру в «Трень-брень» Иванов сыграл почти четыре года назад, и пока эта роль продолжает оставаться самым убедительным свидетельством серьезных возможностей актера. Не стала таким свидетельством одна из последних ролей — приказчика Сашки в «Хозяине» М. Горького. Сашка мог вырази-